
Наследница
бога войны
Светлана Ненашева
18+

Светлана Ненашева

Наследница бога войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71618335
SelfPub; 2025

Аннотация

Что таит в себе жилище старой сумасшедшей? О чем молчит глубокий овраг? И что нужно, чтобы стать ведьмой?

Содержание

Глава 1. Где мы знакомимся с героями. 4
Глава 2. День рождения – грустный праздник. 10
Глава 3. Кадавр 18
Глава 4. Неведомое 24
Глава 5. Ни фига себе! 28
ГЛАВА 6. Quaerens quem beneficia 35
ГЛАВА 7. Шутить изволите? 41
ГЛАВА 8. Что посеешь… 47
Глава 9. Не верь глазам своим 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Светлана Ненашева
Наследница бога войны

Глава 1. Где мы знакомимся с героями.

Да, всё началось именно в день рождения. В тот день, который Танька всегда ненавидела. Она и себе не смогла бы объяснить почему, но ненавидела и точка.

Эта круговерть с генеральной уборкой, потому, что придут гости и тебе будет стыдно за этот срач. Ты же девочка. Потом мотание по магазинам, где что купить и подешевле, хотя семья в деньгах не нуждалась. Потом список блюд, который обновлялся каждые полчаса из-за появления или убывания гостей и их предпочтений в еде. И из-за внезапно попавшего в руки рецепта какого-нибудь необыкновенно вкусного салата.

А в сам означенный день вся семья и даже папа, если не был на вахте, готовили с самого раннего утра. И в этом тоже не было необходимости, поскольку они могли бы иметь и повара и горничную. Но в семье не терпели чужих людей, делая исключения только приходящему садовнику.

Так что моменту торжества любая именинница чувство-

вала себя лошадью на свадьбе. То есть шея в цветах, морда с улыбкой до ушей, а задница в мыле. Не в прямом, конечно, смысле.

Часа за три до начала торжества мама критически оглядывала сервированный стол и, если всё соответствовало её представлению об идеале, то давалась команда приводить себя в порядок.

И Танька шла в свою комнату готовить наряд к выходу. А потом в комнату к тетке Маше, дожидаться пока мама освободит ванную. На любом празднике блистать главным бриллиантом, должна была именно она. Все остальные, каратами поменьше, годились лишь оттенять главную драгоценность.

Поэтому, когда спустя часа полтора, отдохнув в солевой ванне и проделав все косметические процедуры, мама покидала её и шла в спальню наносить макияж, Танька быстро бежала мыться. Ведь на очереди были ещё и бабушка и папа и Леська.

Леська самая младшая в их большой семье. Ей 6 лет и она в общем сумасшествии участия не принимает, находясь под присмотром тети Маши. Даже, когда та занята чисткой огромного количества овощей для праздничного стола.

Больше тётя помочь ничем не может, так как она инвалид-колясочник. А Леська, ребёнок тихий и незаметный, предпочитает смотреть мультики, либо рисовать, либо слушать бесконечные тёткины сказки. Длинные светлые волосы Леськи Маша (ну, не могла Танька звать тётей един-

ственного друга, а та была не против) накрутила уже с утра на какие-то тряпочки и потом надо было только их снять и красиво уложить. И переодеть сестру в новое нарядное платьице. Ангелочек готов.

Мама тоже была тонкой белокурой красавицей с огромными голубыми глазами. Вся в Леську. И своей внешности обе уделяли массу времени. Леська имела свою косметику лет с трёх, наверно. И когда они вдвоём появлялись в городе, буквально все сворачивали шеи – настолько очаровательно выглядели мама с дочкой.

А вот Танька этому дуэту не соответствовала вовсе. Ни по характеру, ни по внешности. Белокожая, с голубыми глазами, да. Но ширококостная, полноватая, угловатая и неловкая, да ещё и росточка небольшого, и с чёрными, как смоль прямо азиатскими волосами. Потому, что была «вся в отца» и его «семейку». И бабушка, мать папы и Маша, его сестра и сам он были небольшого роста и с явной примесью монгольской крови.

Дед, исконно русский белобрысый богатырь, в своё время долго был директором градообразующего предприятия. До того самого времени, когда это предприятие развалилось в девяностые. Потом снова вставал на ноги, налаживая новый бизнес, потому, что привык жить хорошо и хотел, чтобы его дети тоже жили в достатке.

Дети и жили хорошо, правда, до поры до времени. Уехав в столицу учиться, сын Эдмунд (в просторечии Эдя) здоро-

во освоил лишь тюремную школу, сразу попав в какую-то бригаду. Нет, не был он заядлым рецидивистом. Лопухом. «Бригадиры» его и сдавали при первом удобном случае. Сделав так за дядю три ходки, от «лопушистости» он так и не избавился, но решив покончить с прошлым, вернулся на родину и начал жизнь новую.

Поскольку семья в городе числилась совсем не бедной, а Эдя в принципе, был не плохим, одна ушлая деревенская малолетка быстро женила его на себе. Спустя некоторое время появилась Танька, но погиб в аварии дед.

Тут же из-за несчастной любви случилось несчастье с Машей. Практически перед свадьбой она узнала, что любимый женится лишь на деньгах, и изменяет ей с её же подругами. Проплакав несколько дней, однажды она просто не смогла встать на ноги, они не держали, сделавшись в один момент тряпочными. Врачи ничем не помогли. Дома она ещё как-то могла передвигаться по стеночке или на ходунках, но всё же предпочитала коляску.

Железного Феликса, деда, (как его звали в городе) больше не было, и хороший бизнес стал лакомым куском для местных акул. Эдя, конечно, быстро сдулся, и чуть не отдал этот самый бизнес за копейки, лишь бы на него не давили.

Но. Тут акулам пришлось столкнуться буквально с мегалодоном в лице хрупкой красавицы Настеньки, мамы Таньки. Выскочив замуж в девятом классе она не спешила становиться тетёхой и учёбу не бросила. Свалив новорожденную

Таньку на руки покладистой свекрови, продолжила учёбу и в университете и потом работала аудитором, хотя могла бы не работать вовсе.

Так вот. В тот день она пришла в офис мужа, помочь ему с бумагами. Потому как Эдя не разбирался в них совсем, зная, что на это есть умная Настя. Тогда, как в плохом боевике про девяностые к ним и ввалился местный крутой с двумя мордоворотами. Эдя сразу потерял способность не то, что двигаться, но и мыслить и говорить.

А Настенька только улыбалась, хлопая кукольными ресницами. И продолжая ослепительно улыбаться, она прострелила двум напавшим на них бугаям по оба колена, а крутого под дулом заставив прыгать с третьего этажа, быстро отбила у них аппетит к семейному делу. И не только у них.

Было потом, правда, и ещё одно покушение, прицельно на Настю. Но она, словно Джеймс Бонд в юбке, мастерски уходя от погони из ночного города, нечаянно проводила преследователей прямо в заброшенный карьер. Потом оплатила им похороны и возместила материальный ущерб их семьям.

На суде она рыдала от жалости к несостоявшимся убивцам, и все присутствующие сочувствовали именно ей. Слабой женщине, боровшейся за свою жизнь.

Так, что Эдя спокойно передал бизнес в её руки, а сам, чтобы оставаться в собственных глазах мужиком, поехал на Север. Да! Чуть не забыли про бабу Ваню. Потому, что звали её Иванна. Не отчество, а имя такое. Вот от бабы Вани

и досталась Таньке немалая толика азиатской крови. Такая вот интересная у нашей Таньки родня.

Но, что-то отвлеклись мы от самого главного. Итак, вся эта история началась в Танькин четырнадцатый день рождения.

Глава 2. День рождения – грустный праздник.

Да. Так оно и есть. Как всегда собралось много гостей, в основном мамины подруги, которым в очередной раз ненавязчиво продемонстрировали, что до Сырцовых им как до Китая. Ползком.

Вначале прошла самая приятная церемония вручения подарков имениннице и её сестре. Пока девочки растаскивали коробки и пакеты по своим комнатам, гостям предложили шампанское.

Потом все уселись за стол. Заранее накормленные девочки поклевали салатик и убежали распаковывать подарки. Потом Танька смылась к подружкам, отпросившись у бабы Вани. Всё равно всем теперь было не до неё. А когда уже поздно вечером вернулась, воняя термоядерной жвачкой, призванной заглушить запах портвейна в доме было непривычно тихо.

Непривычно потому, что после праздников начинались хлопоты в обратном порядке, невзирая на часы и всеобщую усталость. Мама не выносила бардака.

Сегодня же Танька ещё с порога увидела разорённый стол с прокисающими блюдами и прислушалась к звукам в доме.

В ванной шуршала вода, там кто-то мылся. Девочка прошла по мягкому ковру коридора, открывая двери. Кроме Леськиной. У неё режим и она давно спит.

Ага, папка за компьютером, кивнул ей, едва повернувшись. Гоняет свои танчики в кабинете деда. Хоть бы квест что ли какой открыл. Дочь не понимала его увлечений тупыми стрелялками.

В комнате Маши тускло горела прикроватная лампа. Танька приоткрыла дверь и прокралась к кровати. Маша читала с планшета.

– Только не лезь ко мне с грязными ногами. Иди мойся сначала. Что за запах? Ты что валидол ела?

– Нет, жвачка такая. От кариеса спасаюсь. А где все? Мы что, убираться сегодня не будем?

– Вместо такой жвачки лучше щётку зубную сжевать. А убирать с утра будем. У всех голова разболелась. Иди, иди, мойся. Потом придёшь.

– Не, я наверно сразу спать, тоже головка бо-бо.

Танька показала тётке длинный язык с мятым шариком жвачки и отправилась к бабушке. Та и впрямь лежала на кровати с белой тряпкой на голове, освещаемая только голубым светом фонаря за оградой. На тихое Танькино: -«Ба..», не откликнулась.

Значит, в ванной мама. Танька вернулась к ванной, в мутно-белой полоске стекла на двери отражалось темное пятно у зеркала. Значит, скоро выйдет.

Танька сходила к себе за бельём и столкнулась с матерью в коридоре.

– Пришла?

– Да я час уж как пришла. Жду, когда ванна освободится. Давно пора вторую поставить, как у всех нормальных людей.

– Не графиня. И подождать можешь. Стой, чем это от тебя так воняет? Ты что пила что ли?

Но Танька уже проскочила в спасительную ванную где были и щётки и пасты и ополаскиватели. И заперла за собой дверь. А ещё под бельём у неё был завёрнут в салфетку бутерброд с копчёной колбасой. Так, что от запаха и следа не останется. Впервой, что ли?

А среди ночи у неё невыносимо заболела голова. Так, что пришлось вставать за таблеткой. Таблетки лежали в верхнем шкафчике на кухне от глупенькой ещё Леськи подальше, и на каждой упаковке чёрным маркером и печатными буквами для папы и бабушки было написано «от поноса», «от запора», «от горла» и т.д.

Танька нашла ту, на которой была надпись «от головы» и, морщась от горечи, проглотила. Выпив с таблеткой целый стакан ледяного компота, почувствовала до кучи озноб и бегом понеслась в тёплую постель под одеяло.

Голова так и не прошла. До таблетки она пыталась применять особую технику изгнания боли, которой с детства учила её баба Ваня, но в этот раз не помогло. Чтоб я ещё

хоть раз пила это палёное дерьмо! В следующий раз лучше самогонку. Девчонки не дуры, все пили самогонку, и только одну Таньку отвращал её запах.

Так и морщась от боли, не заметила, как уснула. Утром встала поздно. Дома снова было тихо. Только с кухни доносились звуки присутствия там человека. Странно, сегодня воскресенье, никто никуда не собирался вроде. Но дома были только бабушка и тётя.

Маша вынимала и ставила на стол последнюю посуду из посудомойки. Бабушка раскладывала её по шкафам.

– Что будешь? Яичницу или сосиски сварить? – бабуля, проходя мимо, чмокнула Таньку в макушку, и погладила плечо.

– Хочу чего-нибудь такого… – Танька положила подбородок на ладошки и мечтательно воздела глаза к потолку.

– Ясно. Будешь со мной салат с перцем? – Маша прикрыла дверцу машины и подрулила к холодильнику.

– А то! Машка, ты настоящий друг. Помидоры порезать?

– Не надо, вчерашних много осталось. На вот, делай всё сама. А я чайник поставлю. Тебе чай, кофе или сразу к танцам? Торт надо доедать срочно…

– А родители где?

– Нам не докладали.

– Ма-а-ш, а сервелатик есть?

– Вроде есть. Будешь? Тут и рыбка хорошая есть ещё.

Троица уже почти закончила послеполуденный завтрак,

когда вернулись родители с Леськой. Мама не поворачивая головы в сторону кухни быстро раздела девочку, скинула с себя тонкую дублёночку и быстрым шагом ушла в спальню. Папа ещё долго не заходил с улицы.

Только к вечеру, когда Танька почти закончила с уроками к ней в комнату пришли сразу оба родителя. Первой начала разговор мать, а отец молча стоял, подпирая закрытую дверь и старательно рассматривал узор на ковре под ногами.

Танька ушам своим не верила. Сидела на стуле прямая как готовая порваться донельзя натянутая струна. Вот. И до неё дошло. Что они все, с ума посходили, что ли? Что это за мода такая разводиться? В классе через одного родители или в разводе или как кошка с собакой живут. И только дурочка Танька думала, что у них-то в семье всё хорошо.

Чему она там тогда кивала она и не помнила даже. Или не хотела вспоминать, даже по прошествии некоторого времени, когда, наконец, всё утряслось. А пока утрясалось они занимались переездом. Почему они, а не мама с Леськой, она не задумывалась. Пусть взрослые сами разбираются во взрослых проблемах. У неё и своих хватает.

И начались они сразу же по прибытии в Н-ск. Первый шок она испытала от расстояния, на которое они удалялись от родного дома. Второй от одного вида той местности, где ей предстояло теперь жить. И третий от родного дома бабы Вани. Так они, стоя перед ним, и рыдали. Баба Ваня от счастья, а Танька от отчаяния.

Потом подъехал на машине папа, выгрузил коляску, усадил в неё сияющую Машу и, прямо по глубокому снегу, буксуя и хохоча, как ненормальный, сразу покатил с ней к огромному деревянному монстру с заколоченными окнами. Они с Машкой очень любили этот дом, куда их детьми отправляли на каникулы к деду с бабкой.

Танька их глупых восторгов не разделяла. И дом видела всего пару раз на старых фотографиях.

Мрачный серый ноябрьский полдень тоже не располагал к веселью. Внутренности этого дома после их просторного светлого городского особнячка тем более не вдохновляли.

Папа и бабушка таскали из машин вещи, Маша, как угорелая носилась по пыльным пустым комнатам на своей коляске, и только Танька, как прибитая, сидела на широкой лавке возле ледяной белой печи, тупо взирая на этот кошмар, и всё ещё надеясь проснуться.

В эту ночь они спали, кто где упал. Прямо в одежде. Потому, что обе печи, хоть и затопили сразу, но настывший за годы дом, толком не прогрелся даже к утру. Перекусили дорожными запасами и снова принялись отмывать комнаты и раскладывать вещи. Папа где-то всё время пропадал, налаживая то воду, то газ, то ещё что-то. С газом ничего не получалось, поэтому вызвали газовиков а еду варили и грели на срочно купленной плитке и в новой микроволновке.

К вечеру следующего дня более или менее обустроились, и впервые за четыре дня Танька нормально помылась в ста-

рой баньке из тазика и улеглась в нормальную постель в своей новой комнате. Слово нормально следовало бы взять в ковычки, но Танька понимала, что так, как было раньше, не будет уже никогда. Придётся привыкать к тому, что есть.

А потом она пошла в новую школу. Документы туда заранее относил отец, а сегодня Танька, в сопровождении самого директора и завуча предстала перед классом.

При знакомстве с классом директор представил её настоящим именем Танаис. Раздались смешки и откуда-то с задней парты пробасило:

– Короче, теперь Танькой будешь.

Танька не смогла удержаться от улыбки и тоже прыснула в кулак. Не сморщилась, не состроила недовольную мину, а засмеялась. Контакт был установлен.

Но что и раньше для всех она была Танькой, решила не говорить. Дома её звали Тана. И ей самой это имя очень нравилось. Не как у всех. Но прочее окружение вопреки её желанию и на прежнем месте жительства переиначило в Таньку. Типа, не фиг выделяться.

Оглядевшись, она с облегчением отметила сплошь брюнетистые, как и у неё самой, шевелюры и разной степени раскосости глаза новых одноклассников. Почти все столы были заняты, но кое-где сидели по одному.

– Иванов, Танаис сядет с тобой.

– На фиг!? Мне и одному неплохо! Пусть к Зябкиной вон садится. У ней тоже свободно. – Басок с задней парты

выдал пару высоких нот.

– Нет уж, у неё всё в порядке с оценками. А вот тебя Таня, может быть, немного подтянет. И в смысле дисциплины тоже.

– Это вряд ли, Тамара Михайловна. Я неисправим.

– Ну, вот и посмотрим, правда? А теперь, детка, ступай за последнюю парту к Коле Иванову, и продолжим урок.

Танька, немного сморщившись от нового приступа головной боли, прошла между рядами и поставила рюкзак у последнего стола, на котором на сцепленных в замок руках покоилась кудлатая голова худенького подростка.

Глава 3. Кадавр

Ночью снова заломило поясницу. Пришлось встать и подбросить в печь побольше дров. Из открытой дверки утихающий огонь получил больше воздуха, и сразу выросшие языки пламени крепко обхватили и начали жадно облизывать гладкую кору тонких берёзовых полешек.

Колчак не проснулся. Только неловко поскрёб лапами по полу, поворачивая к теплу другой бок. Коротко вздохнув-всхлипнув, снова отбыл в собачью нирвану.

Как всегда, дверку он сразу не закрыл, а немного погрел длинные узловатые пальцы. Пальцы пока не ныли, значит, и поясница разошлась не к погоде, а от сырости. Слишком задержался нынче в лесу, унты отсырели и почти не грели. Дом сильно выстудило за день, вышел то до свету.

Пока растопил печь и готовил нехитрый ужин не раздевался. Переобулся только в сухое, чтобы ноги согрелись. Старый тулуп на волчьем меху расстегнул, но не снимал, опасался, что прохватит взмокшую спину.

Когда бульон немного покипел, половину отлил в полуведёрный чугунок Колчака, накрошил туда темного хлеба и отковырял подмороженный кусок пшенной каши на сале с луком. Собакин всё это время возился с сырой замороженной кабанятиной, а теплую похлёбку любил на десерт.

Ещё пока шёл к дому, почувствовал, что проголодался

изрядно. Зря наверно отказался перекусить у старухи. Да и сил потрачено было много на переход. Пусть и не очень далеко, да снег настоящий только-только лёг, мягкий совсем, идти тяжело. Тем более груз такой тащить. Не молод уж. Вот болячки и вылазят потихоньку.

Когда утром шёл, Сырцов дом высился на фоне чернильно- предрассветного неба острой черной скалой, раскалывающей надвое Млечный Путь. Как всегда, много-много уже лет.

Только теперь снег перед ним был истоптан и изъезжен. Красивое белое покрывало было безжалостно испорчено. А дом весело брызгал на улицу уютным желтым светом всех своих окон. Приехал кто-то? Жить будут? Или так, проведать?

Его одолевали двоякие чувства. С одной стороны, соседи – это хорошо. С некоторых пор он жалел, что у него нет ни с кем из посёлка не просто дружеских, но даже добрых отношений.

Не сложилось. Несколько лет обитал он в старом доме Сырцовых, с милостивого разрешения главы администрации посёлка. В посёлке было мало работы. Молодые мужики разъезжались по заработкам. Те, кто постарше перебивались небольшими доходами бюджетников, огородами да лесом-озером. В лесники согласился пойти только Кадавр.

Хлопотная должность и не денежная. Вот на радостях, что хоть кто-то согласился, глава и расщедрился. Чужим

имуществом. Знал, что ругаться-судиться не с кем будет.

Сырцовы выстроили себе большой дом рядом с родительским, только пожили в нём мало. Сначала родители умерли, а потом и сами убрались. Дом считай лет двадцать пять пустым стоял. Никто на него не зарился. Слишком большой – не натопишься. Да и расположение подкачало.

Галкин конец находился прямо у кромки леса, довольно далеко от других улиц посёлка, скучковавшихся возле магазина, школы и больнички. Да ещё через узкий, но глубокий овражек, хотя и сделал Кадавр, наконец, там мостик.

Этот мостик позволял сэкономить кучу времени от обхода за километр в одну сторону, и кучу сил, если бы вздумалось совершить спуск-подъём по его заросшим высоченной травой крутым склонам.

С другой, он привык быть один. Вся прошлая жизнь лишь промелькнула, как кадры кино. Мимо. Мимо него. И это ставшее привычным для него самого жуткое прозвище было итогом той, мимолётной жизни. Где были и друзья и враги и семья.

Кадавр тоже ужинал мясной похлёбкой с накрошенным в неё хлебом, который его бабушка называла мочёнками. Любил так с детства. Ел из большой алюминиевой миски, стоявшей на коленях. И, если бы не облезшая деревянная ложка с обкусанными краями, то, наверное, немногое бы отличало его от Колчака.

А тот, словно почувствовав его мысли, оторвался от мис-

ки и вскинул на хозяина сверкающий серо-зелёный взгляд.

– Ешь, ешь, доедай, дружище. Я вот думаю, как мы с тобой похожи, однако. Ты не совсем собака, я не совсем человек.

Колчак внимательно оглядел друга, втянул носом воздух. Нет, грибами сегодня не пахло. И чего это с ним? Чего хандрит опять? Огромное животное сделало пару шагов и просунуло испачканный похлёбкой нос прямо под миску, в ложбинку, образованную сложенными вместе ногами. И вздохнуло. Совсем по человечески.

Кадавр отложил в сторону ложку, но миску с собачьего носа снимать не стал. Запустил шершавую пятерню в густую шерсть мощного загривка и заскреб там пальцами, иногда собирая в тугой вал шкуру Колчака. Этот ритуал был любим ими обоими.

Хозяин не часто баловал пса ласками. Внешний вид мужчины полностью соответствовал его поведению. Огромного роста, мощный, но не жирный. с походкой и повадками пантеры. Заросший чёрными, с серебристой проседью волосами, от макушки до пят, он напоминал, скорее волка-оборотня, какими их любят изображать на картинках-фентези.

Лицо с классически правильными чертами в свое время запросто могло бы составить конкуренцию приторно-красивым турецким актерам, но теперь носило на себе суровую печать трудного жизненного опыта. Некогда лучистые, желтые в крапинку глаза с небольшим прищуром, сводив-

шие с ума так много дам, уже много лет смотрели как-бы сквозь туманную завесу прожитых лет.

Бывший балагур и весельчак за день мог не произнести ни слова. Тем более лучший друг понимал его без слов. Волкособ Колчак. Тоже черное с проседью чудовище. А если он вставал на задние лапы, то равнялся с хозяином ростом. И кличку такую не зря имел. Умным был, хитрым, смелым и очень жестоким.

Так и жили эти два чудовища-полуволка в маленьком домике за оврагом. А теперь у них появились соседи. Наверное, потому Старая Нянька и пообещала ему скорую и полную перемену жизни. Не от соседей ли?

За жильё он совсем не волновался. Прогонят – уйдёт к Няньке. Обоим лучше будет. Старая совсем плоха стала. Еле скрипит. К себе звал – не идёт. Если честно, надеялся, что хоть в самые холода-метели не придется таскаться к ней на болотА.

До самой ночи просидел он так с Колчаком, задумавшись. А потом перелез на топчан и уснул, не раздеваясь. Колчак свалился на половик между столом и печью.

* * *

Пальцы от тепла печи приятно млели, в избе стало ка-

заться жарковато. Кадавр, сидя на топчане, скинул свитер и взялся за пояс штанов, собираясь стащить и их, и улечься под одеяло в трусах и майке, как что-то снаружи отвлекло его.

В это время Колчак поднял оба уха и открыл глаза но более не шелохнулся. Небольшая передняя комната обычного пятистенка освещалась только тремя дырочками в дверце печи да полной луной за лохматыми верхушками сосен. Единственное окно выходило прямо к приступкам и позволяло обозреть всю площадь до самых деревьев.

На улице никого не было. Калитка изгороди закрыта, а внутренний двор так вообще на засовах – медведь не сломает. Но тревожное чувство не покидало обоих жильцов до самого утра.

А утром за ним пришли…

Глава 4. Неведомое

Когда уроки закончились, никто расходиться не спешил. В полутёмном тупичке возле мальчишечьей мастерской знакомство с новенькой продолжилось в неформальной обстановке. Места на подоконнике всем не хватило, кто-то подпирал стену, кто-то висел на перилах, кто-то переминался с ноги на ногу.

Напряжение отпустило Таньку полностью почти сразу после представления классу. Она не увидела искривлённых в снисходительной усмешке губ, оценивающих прищуров, недовольных мин.

Открытые глаза, в которых не читалось ничего, кроме любопытства и обычный ребячий гомон. А сейчас она подверглась перекрёстному допросу одноклассников. Кто такая, откуда, почему в принципе в посёлке было известно.

Это не город, здесь все на виду. Но требовалась, так сказать, расширенная версия. И Танька решила ничего не утаивать. По мере диалога не могла не отметить ни зависти, ни злорадства ребят. С удовольствием подумала, что это хорошее отличие от её бывших городских друзей.

Компанию разогнала уборщица. К этому времени на улице совсем стемнело. Папа был сегодня в областном центре, и Таньку встречала в холле баба Ваня.

– Детка, ну что ж ты так долго? Я уж запарилась тут вся. Хорошо топят, не замёрзнешь. Ты кушала что-нибудь?

– Да ба! Ну что ты, в самом деле? Я ж не в лесу, чего ты пришла? Смотри, ни кого же не встречают. В городе я и то одна ходила.

– В городе школа за углом была. Я тебя в окно видела. Здесь другое дело. Местные, они привычные, к тому же им на Галкин не идти. Потерпи немного, освоишься и будешь одна ходить. И темень вон какая, хоть глаз коли.

Вспотевшая Танька вышла на улицу и втянула носом морозный воздух. Такой чистый и вкусный, что насладиться было невозможно. Лёгкие всё требовали и требовали новой порции невиданного лакомства. Везде было белым бело от мягкого пушистого снега. Крупные редкие снежинки вальсировали в оранжевом свете фонаря и, сверкая, ложились под ноги.

– Бабунь, красота какая! А воздух! – Танька запрыгала по тропинке, проложенной в неглубоком ещё снегу.

– Тань, головка то не болела сегодня? – Бабушка улыбалась, радуясь за внучку. Впервые за последние две недели она видела её такой как прежде.

– Болела, баб, и сейчас болит. Да я уже и внимания не обращаю. Привыкла наверно. Только тошнить стало ещё.

Бабушка задумалась. Они свернули за магазин и фонари как-то сразу закончились. А кромка леса, где располагался их дом, почти терялась на фоне такого же тёмного неба. Зато появилась возможность разглядеть мистическую картину звёздного неба.

– Ба, как здорово, просто волшебно! Как хорошо, что мы сюда приехали! Почему не приезжали раньше? Из-за того, что так далеко?

– Конечно, Тань, и из-за этого тоже. И ещё дела всегда вечные. Ты скажи лучше, как в школе-то тебя встретили?

– Да нормально. Не ожидала даже. Они лучше чем городские. Ой, что это?

Танька так резко остановилась на тропинке перед узким мостиком через овраг, что шедшая сзади баба Ваня налетела на неё.

– Где? Чего ты?

– Там. Там за мостом стоит кто-то. Тёмный. Видишь? – Танька тыкала пальцем перед собой.

– Да ну тебя, Тань. Нету там никого. Отец кругом поедет,

он ещё только часа через полтора дома будет. А Маше не под силу, ты же знаешь. Ну а больше в нашем краю и нет никого. Давай я вперёд пойду. А ещё говоришь, не встречай.

И бабушка, обогнув стоящую истуканом Таньку, взяла её за руку и потянула за собой на мостик.

– Вот видишь, какой-то добрый человек дело хорошее сделал, мостик этот. А раньше мы вокруг ходили. Овраг хоть и неширокий, но глубоченный, стены прям отвесные. Мы раньше лазили тут, конечно, но пока спустишься, весь зад отобьёшь, а когда вылезешь, тут считай, и дух вон. Сейчас я уж и не вылезу, поди. И кричи не кричи тут, никто не услышит. Да идём же, я ужин ещё не готовила, а Эдя приедет, чем кормить буду.

Они прошли мостик и тут Танька впала в ступор. Огромная пятнистая луна освещала призрачным светом нереальную по красоте картину зимнего леса с домиком вдалеке, цепочку огромных собачьих следов и ещё следы маленьких унтов.

И всё бы ничего, но! Собачьи следы шли им навстречу и обрывались перед мостиком. Просто обрывались и всё, как и следы маленького человечка, шедшего рядом с ней…

Глава 5. Ни фига себе!

Всю ночь девочку преследовали кошмары. Злобные тролли на громадных собачищах гнались за ней, а у неё не было сил убежать. Она лишь неловко перепрыгивала с предмета на предмет как начинающий паркурщик. Махала руками, тщетно пытаясь взлететь, но получались лишь нелепые потуги.

В какой-то момент ей удалось запрыгнуть на плоскую крышу старого сарая, но преследователи не отставали. Страшная чёрная пасть псины обдавала её смрадом разлагающего трупа. Перекошенная рожа тролля изрыгала проклятия, а его чудовищно длинная, уродливая, словно корявый сучок рука, больно схватила её за волосы и тащила обратно.

В холодном поту Танька вскочила с кровати, и её вырвало прямо на круглый вязаный коврик и тапочки. Рукавом пижамы она вытерла противно скользкие губы, в глазах, на тёмном фоне плясали яркие цветные мушки. А потом полились слёзы.

На звуки примчалась на коляске растрёпанная, заспанная Маша. Её комната находилась напротив. А Танька сидела на кровати и мотала головой.

– Эдмунд! Эдя! Чёрт бы тебя побрал! Иди сюда, ребёнку

плохо. – Маша нагнулась и отодвинула от кровати коврик и тапочки-зайки, которым тоже досталось. Ловко подрулила и, легко опершись о поручни перенесла своё непослушное тело на кровать племяшки.

К тому моменту, когда на пороге возник мужик с вытаращенными глазами и в семейных трусах, голова девочки покоилась на груди тётки. По её щекам тоже текли слёзы.

– Так, всё, на фиг вас всех с вашими разводами-разъездами. Сегодня же везёшь ребёнка в область, в больницу! Слышал? Урод, блин, из-за вас всё!

– Да не надо, Маш, мне уже лучше. Правда, лучше. – Танька попыталась выбраться из тёткиных объятий. Не тут-то было. Как у любого колясочника у Маши были очень сильные руки.

Она не проводила время зря, не кисла. Постоянно занималась гимнастикой, йогой, ещё чем-то, делала сама себе массаж, чтобы конечности не атрофировались. И, если бы не кресло, никто не увидел бы в ней инвалида.

– Эдмунд, ты слышал меня? И маме не говори ничего, а я тут сама уберу. Тана, детка, ступай в баньку, приведи себя в порядок. А я перестелю тебе и полежишь ещё полчасика.

– Хорошо. – Пробормотал мужик. – Я понял, я сегодня прописку и полис ей и всем здесь сделаю и завтра поедем. Сегодня никак. А может она чем отравилась просто, Маш?

– Чем? Яичницей из домашних яиц? Не смеши. Ужинали в семь. Не видишь, желчью одной рвало? У ребёнка, может

быть, внутричерепное давление высокое, отсюда и головные боли и рвота. Тань, тебе же легче стало, как вырвало?

– Легче, Маш. – Девочка скрылась за дверцами массивного шкафа, выбирая себе бельё. Кинула на плечи толстый махровый халат. Всё, включая сарайки, баньку и даже курятник и хлев в их доме, по типу карельских построек, находилось под одной крышей. Но коридор отапливался плоховато. Папа с этим всё ещё разбирался.

Танькина попытка идти утром в школу одной всё же удалась. Но оглянувшись, она увидела стоящего на высоком крыльце отца, и тёмные окна Машиной комнаты. Наверняка и тётка наблюдает за ней. Потому и свет выключила.

Дышалось легко, голова болела не сильно. Давление как всегда нормальное (но Машка говорила, что при внутричерепном это ничего не значит), и она с удовольствием поела молочной пшённой каши, какую умела варить только баба Ваня.

Хотя в школе неплохо кормили, Маша сунула ей в сумку два толстых куска чёрного хлеба с сыром и две сосиски. Таня вспомнила, как они всем новым классом с удовольствием слопали её запасы там, в тупичке у запасной лестницы. Всем досталось по крохотульке, а Танька вообще сжевала лишь подсохшую горьковатую корочку, но это было неважно.

Сегодня её карманы были набиты мармеладными конфетами, единственными из сладостей, которым позволялось

находиться в их доме. Она шла неторопливо и снова любовалась космосом через призму морозного предрассветного неба.

Рядом с их домом, хотя слово рядом, здесь имело ввиду немного другие расстояния, на пути к оврагу располагался еще один небольшой домик, который Танька с момента приезда даже толком не рассмотрела.

Сейчас лунища светила прямо на этот домик и каждый сучок на старом дереве его бревён был очень отчётливо виден даже с тропинки. Нежилой, видимо. К штакетнику палисада прибило снега, и нетронутый снег лежал даже на крыльце.

Но что это? На приземистом крылечке под лавочкой в углу темнело что-то большое. Танька прищурилась – ветер сбил в кучу мокрую листву, и она смёрзлась? Скорее всего. Не далее как пару дней назад они с папой чистили и мыли кипятком такое же заднее крыльцо у себя дома.

Девочка отвернулась, но боковым зрением уловила вдруг неясное движение, там, на крыльце. Снова повернула голову и встретилась взглядом с холодным зелёным огнём чьих-то глаз.

Остановилась. Отвести взгляд от этих глаз было невозможно. Тем временем тёмная куча на крыльце зашевелилась, и Танька с облегчением увидела силуэт собаки. Но какой собаки. Собачищи!

У Таньки аж волосы на голове зашевелились и мурашки

пошли по спине. Не от страха, нет. От восторга. Надо сказать, что породы собак размерами меньше немецких овчарок для неё просто не существовали. Пределом мечтаний выступал тибетский мастифф.

Девчонка со всех ног припустила… к калитке. Громадина на крыльце явно такого не ожидала. Везде, где он появлялся, люди, которые не могли быстро убежать, столбенели и старались слиться с окружающими предметами. На таких Колчак просто не обращал внимания.

Он вообще не ходил за овраг, если только с хозяином, когда тот закупался для Няньки. Но тогда выступал в роли вьючного животного, так как спокойно мог перенести на специальной упряжке на спине килограмм тридцать, а то и больше. Санки тянул легко даже с центнером комбикорма. Старуха держала кур.

Так вот, бедный собакин озадаченно склонил голову и бил по впалым бокам хвостом. А девочка за штакетником ковырялась в сумке, шурша пакетами. Запах еды он ощутил сразу и сглотнул слюну. Третий день он не отходил от дома, и не ел столько же времени.

Когда хозяина, надев на руки железяки, увезли в зарешеченной машине, тот успел ему крикнуть «гуляй». Это означало, что он свободен. Совсем. И даже калитку хозяин оставил открытой. Это значило, что хозяин не вернётся долго, может быть совсем, но Колчак предпочитал об этом не думать.

В первую очередь он сходил и закрыл калитку, повернув тугую дубовую вертушку. Во всём должен быть порядок. А потом улёгся на крыльце в тот угол, куда меньше задувал ветер. И так лежал всё это время. Не охотился, хотя ему ничего не стоило задрать зайца прямо возле дома. Хандрил.

Девчонка протянула руку за калитку, и в нос ударил аромат теплого еще хлеба и сосисок. Колчак поднялся на ноги и медленно пошёл к девочке. В это время со стороны большого дома к ней подбежал мужик без шапки и в распахнутом полушубке.

Собака остановилась на полдороге, но ноздри предательски дрожали и из пасти закапала слюна. Он всё-таки был очень голоден.

– Танька, б…. С ума сошла! Подходить к такому монстру! – Мужик даже оторопел, оценив размер собаки.

– Пап, ну он же голодный. Смотри, как слюни текут. Я просто покормлю его. Видишь, он давно не отходил от дома, может быть заболел. Ну, собачка, ну иди сюда, иди, не бойся.

– Ха, боится он. Он просто решает, кого ему первым сожрать, меня или тебя. И пока не решил, бросай ему свой бутер и делаем ноги. Давай, давай, и пошли. В школу опоздаешь.

Таньке не то, чтобы стало страшно, но она быстро бросила еду поближе к собаке и направилась к тропинке. Отец шёл за ней.

– Па, ну ты чего? Я знаю дорогу. Сама дойду.

– Конечно, но бабушка мне рассказала, что ты вчера у мостика чего-то испугалась, так что хоть через мост переведу, поближе к цивилизации.

– И ничего я не испуга… – Тут девочка резко развернулась. Когда она увидела собаку, промелькнула мысль, что это были именно её следы. Но сейчас она смотрела на девственно чистый снег и никаких следов от дома до тропинки не видела. Тем не менее, на самой тропинке отчётливо виднелись их с бабушкой вчерашние следы.

– Ни фига себе! Что же здесь происходит?

– Ты о чём, Тана? – Папа не расслышал её, потому что поднял воротник дублёнки, пытаясь спасти уши от мороза. Он так и бросился за дочерью без шапки.

– Да, так, мысли вслух.

В школе девочка казалась рассеянной, учителя слушала вполуха. На перемене она поделилась загадкой со следами с одной из девчонок, Наташкой, которая от неё практически не отходила.

Наташка сделала страшные глаза и не менее страшным шёпотом, в запале схватив её за руки, выдала:

– А ты что, ничего не знаешь?

– Не-е-ет, а что?

– Это наверняка был Колчак, волк Кадавра… а самого Кадавра на днях посадили, он Старую Няньку зарезал, представляешь, прям от уха до уха. ..

ГЛАВА 6. Quaerens quem beneficia

Шестой час он сидел в кабинете, наблюдая за неповоротливой полудохлой мухой, которая тщетно пыталась забиться в узкую щель. То головой, то бочком. Пробовала уместить в расщелину даже зад. Потом, наверно уставала, и на какое-то время замирала. Через несколько минут, словно проснувшись, скребла передними лапками красивые переливчатые глаза, задними поправляла крылышки, и снова лезла в щель. Всё это повторялось без конца.

Когда усталый следователь, закончил печатать и поднял на него глаза, в лице Кадавра ничего не изменилось. Следователь проследил за его взглядом и ухмыльнулся.

Скатав в тугую трубку клочок бумаги, он поднялся, подошел к окну и закончил мухины страдания, насадив её на эту своеобразную пику. Сбросив орудие убийства и свою жертву в урну, вытер руки спиртовой салфеткой, куча которых лежала на краю стола. Ковид закончился, не пропадать же добру.

– Ну, что, продолжим?

– Господин следователь, к сказанному ранее, мне добавить нечего.

– Ну, что ж. Стало быть на сегодня мы ничего не добились. Адвоката вот, обидели недоверием. А ведь ему, как

врачу, надо рассказывать всё полностью. Иначе он не сможет вам помочь.

– Да, собственно и помогать-то не в чем. И если вы на сегодня уже все свои закончили дела, то давайте расстанемся. У меня спина болит от долгого сидения в одной позе.

– Дела у меня никогда не закончатся, пока на белом свете есть такие типы как вы. И пока они не за решёткой. Но на сегодня, пожалуй, точно хватит. Конвой! Увести. – следователь опустил трубку на рычаги телефона без диска и начал укладывать бумаги в сейф.

– Вот если чисто по-человечески, без протокола, у вас нет шансов. Не понимаю, чего вы упираетесь? Напишите чистосердечное признание и суд это учтет. Повторяю, шансов отвертеться просто никаких. И свидетели, и отпечатки, и мотив, и возможность. Одно только удивляет, за что же вы с ней так? Ну, придушили бы что ли, в конце концов. А столько крови… А ведь она же, говорят, вам жизнь спасла. А тем более у вас уже был срок.

– Ну, это как сказать. Меня оправдали и извинились, и даже выплатили компенсацию.

– Да, что вы говорите!? – Картинно всплеснул руками следователь и, забрав из кресла портфель, вышел следом.

В камере Кадавр скинул на верхнюю кровать тулуп

и схватился за поясницу обеими руками. Медленно выгибаясь назад, лишь сантиметров тридцать не достал до пола. В таком странном положении он немного пораскачивался в стороны и вверх-вниз. И начал осторожно возвращать туловище в вертикальное положение, по-прежнему поддерживая поясницу. Потом повертел шеей и начал застилать кровать.

В этот раз в первую очередь написал заявление на предоставление ему всех необходимых мыльно-рыльных принадлежностей, белья и сменной обуви. А пока разулся, разделся, с удовольствием вымыл руки и умылся просто водой.

Ухитрился даже постирать носки. Никогда не мог одеть несвежие. В камере было жарко. Это хорошо. Не нужно тратить энергию на обогрев. Голода он пока не чувствовал, хотя ел почти сутки назад. Здесь же ему кроме воды ничего до сих пор не дали. Не страшно, не привыкать.

Любую ситуацию нужно использовать с выгодой. Пусть будет разгрузочный день, интервальное голодание или полная энергетическая чистка и подпитка чакр эфиром.

Гораздо больше его волновала смерть Старой Няньки. Он лежал на кровати, закрыв глаза и думал. Кому и чего плохого могла сделать маленькая и худая как щепка старуха? Хотя беспомощной он бы её не назвал. То есть физически она была настолько стара и немощна, что в пору жалеть её. Но только для тех, кто не знал о её способностях.

Обо всех способностях. И Кадавр подозревал, что и он знал далеко не обо всём. Древняя шаманка слыла достоя-

нием этих мест на тысячи километров. Перед ней преклонялись, её боялись, уважали, помогали, берегли. Но убить?

Это как взорвать Эрмитаж. Даже хуже. Эрмитаж всего лишь хранилище произведений искусства. Созданных человеком. За годы знакомства со старухой Кадавр подозревал, что это был либо сверхчеловек, либо не человек вообще.

Как же она позволила себя убить? Почему? Она читала мысли влёт, и иногда они даже беседовали так, мысленно. То есть, он – то конечно, отвечал или задавал вопросы мысленно, а вот она для него вслух. Поначалу.

А позже он начал замечать, что иногда тоже может общаться с ней телепатически. Похоже, она его этому научила, или сумела передать. Как и многое другое.

Он раз за разом пытался вспомнить их вчерашнюю встречу. Ничего особенного. Говорила она, как всегда, мало. Пока он возился с дровами и раскладывал продукты она не пошевелилась, восседая в позе лотоса на куче шкур перед открытой дверью несерьёзной печурки, больше смахивающей на обложенный кое-как кирпичами очаг.

Сколько раз он предлагал ей сложить простенькую печь, старуха отказывалась. И не жаль ей было, и без того немного тепла, чтоб оно ещё и утекало с дымом в дыру в крыше.

В избе её всегда было жутко холодно с наступлением морозов. Это он помнил отлично. Сама же Нянька от этого ничуть не страдала, хотя одета для такой температуры была

легко.

В теплом цветастом байковом халате и длинной жилетке из тяжелого волчьего меха. С босыми ногами. И неизменной длинной трубкой с вонючей смесью курительных мхов.

Красноватые языки невысокого пламени освещали лицо, похожее на лежалую, потемневшую скорлупку грецкого ореха. В грубых морщинах иногда приоткрывались узкие щелки глаз, трубка же оттягивала угол безобразно большого рта.

Нос как таковой отсутствовал. Из-под толстой поперечной морщины, обозначающей лоб, почти сразу открывались постоянно шевелящиеся крупные, обвисшие длинные ноздри.

Полностью лишённую растительности шишкастую голову она прятала под обычным, накрученным чалмой, вафельным полотенцем. Не было так же и бровей. Ресницы могли прятаться в многочисленных складках век, но, скорее всего, их не было вовсе.

Халат небольшого размера болтался на ней, как на палке. Руки и ноги напоминали ссохшиеся извитые корни. Нянька была чудовищно безобразна. Зато всегда очень приятно пахла сливочным мороженым. Странное сочетание. Тем более Кадавр никогда не видел, что бы она мылась. И где. И спящей он её не видел ни разу, как и спального места.

Питалась она сырыми яйцами, солёными лепёшками на воде, печеной в очаге картошкой прямо с обугленной кожу-

рой и очень любила молоко и макароны. Всё доставлял ей Кадавр. Примерно раз в две-три недели. Она телепатически звала и он приходил. Готовил дрова для очага, натаскивал в избу, складывая в несколько рядов у стен.

Дверь она никогда не запирала, а с апреля по октябрь та и вовсе стояла нараспашку и ночью и днём. Ладно, он убедился, что животными она легко управляла.

Людей ей просто было нечего бояться. Что тут красть кроме старых шкур. Бубена, и того не имела.

А на фотографиях, которые разложил перед ним следователь, явные следы обыска. Чего могли искать? Она и пенсию то не получала, что такое деньги не знала.

Тем не менее, её сухое тело с почти отделённой от шеи головой валялось под разбросанными поленьями, немногочисленной утварью и пучками сухой травы. И повсюду была кровь. Странно много крови для такого тщедушного тельца.

Кадавр знал, что она могла бы остановить убийцу, даже не повернув головы. Убедился на собственном опыте. Но не сделала этого. Почему?

В мозгу всплыло несколько латинских слов . Quaerens quem beneficia – ищи кому выгодно.

ГЛАВА 7. Шутить изволите?

Не разлепляя глаз он шарил рукой по тумбочке. Полетели на пол очки, ручка, прошелестело что-то ещё, пока нащупывал телефон. Жена недовольно перевернулась на другой бок, почти сдёрнув с него одеяло. Наконец телефон был найден и Данилов, приглушая его рукой, вышел из спальни.

Некоторое время, бесстрастно выслушивая несвязную торопливую речь собеседника, мужчина успел выпить тёплого компота прямо из кувшина. А потом устало присел на кухонный диванчик и вскинул глаза на настенные часы.

– Вася, Вася, подожди. Да послушай ты меня! Вот скажи мне, что тебе надо было выпить такое, чтобы нести в четыре утра всякую хрень? Да не визжи ты! Иди, проспись лучше, утром приеду.

Данилов отключился, бросил трубку на диван и решил заодно посетить тронный зал. Когда вышел в тёмный коридор телефон зазвонил снова.

– Ну, чего тебе ещё? А-а, привет. А ты-то что там делаешь? Ну, хорошо, сейчас приеду. Да, и если вы там сговорились, обещаю, мало не покажется.

На улицу не хотелось даже высовывать нос. Резкий ветер гнул деревья к земле и швырял в лицо сухую колючую снежную крупу. Пока отогревал машину, пока ехал в БСМЭ, голову не посетила ни одна мысль. Кроме жажды убийства

этих придурков.

Благо время было такое, что идти по улице не пришлось. Машину поставил прямо в дверях служебного входа. Но промёрзнуть всё равно успел, пока ему открыли.

Пока шел за дежурным по длинному коридору непроизвольно принюхивался. В этом блоке не пахло ничем таким, что перебивало бы алкогольные миазмы. Санитар был трезв. И это вызвало чувство тревоги.

Надев халат, шапочку и специальные силиконовые галошки, прошел в зал к Шипилову младшему. На секунду от мощного света ослепило глаза. Быстро проскочив мимо секционного стола за перегородку из матового стекла, он прикрыл за собой дверь.

Два брата-акробата, близнецы Шипиловы пили шикарный кофе. Даже Васька. Насколько одинаковы они были снаружи, настолько разными во всём остальном. Но только одно не оспаривалось никем. Оба были гениальны. Один в бизнесе, другой в науке.

Внешне напоминали знаменитого Шурика и даже очки носили такие же. Только ростиком вымахали под два метра, и потому с простоватым лицом выглядели нелепо.

Петька заведовал этим мрачным заведением и по совместительству, владел крупным медицинским центром и несколькими исследовательскими лабораториями. С детства имел кличку Купи-Продай.

Васька, выгнатый из всех мед.учреждений города за мно-

голетнюю преданную дружбу с Бахусом, уже много лет работал в судебной экспертизе. Как говорится, нашёл себя. Не имеющий семьи, а, стало быть, свободно располагающий временем, отдавался работе и дружбе всецело. Практически, здесь и жил.

Но сейчас от него свежим спиртным не пахло, а перегар почти не ощущался. Первым начал Пётр. А Васька так и сидел прямо на столе, глядя в зарешёченное ночное окно и отхлёбывая крепко парящий кофе.

– Привет, Дань. Кофе будешь? С коньяком.

– Привет. Можно без кофе. Да, блин, шучу. Я за рулём. Кофе налей и сахара три, не жидись. Чего вытащили ни свет, ни заря?

– Вобщем, тут такое дело. Вчера днём труп женщины из Молодёжного поступил.

– Какой женщины?

– Ну, Данилов, не тупи. Пора бы проснуться уже. Старухи-шаманки.

– Ну, моё дело. Там всё ясно. И чё?

– А то, что Васька хотел начать работать с ней, а она испарилась.

– Ну, б…, шаманка же. Надоело, наверно лежать, ждать, пока вы соберётесь, встала и ушла.

– А, ну да, в принципе. Просто встала и ушла. Взяла голову под мышку и вышла. В закрытые, б…, двери. А мы-то дураки, Вась, не поняли, побеспокоили, б…., такого челове-

ка. Ты уж прости, нас убогих, Данил Андреич. Но если серьёзно, то действительно, б…, испарилась, прямо у нас на глазах.

– Это как? Ну, что некоторые пили уже достаточно давно, чтоб мозги проветрились, я чувствую. Значит, вкурили что-то не то?

– Слушай. – Петька прямо вызверился. – Мы тебя в такое время вызвали шутки шутить? Нам делать больше нечего? Держи свой кофе и слушай. Я сюда зашёл, как всегда перед уходом. Жене уже позвонил, что щас к Ваське схожу, посмотрю, как и что, и поеду. На самом деле, я очень хотел посмотреть на эту Шаманку. Разное про неё говорили. А тут такой случай. Вобщем, любопытно было. Пришёл я сюда около одиннадцати.

Достали шаманку. В том виде, в котором она поступила, работать было нельзя. Санитар начал срезать одежду, когда мы ушли наверх с документами. Где-то до полуночи сидели точно, а потом санитар позвонил, заикался. Мы ничего не поняли, но спустились.

Вобщем, он облил тело водой, чтобы размочить кровяную корку, и сидел в кабинете, курсовую писал. Студент он у нас, подрабатывает. Потом ещё два раза поливал, а когда пошел смывать кровь и готовить тело к вскрытию, обратил внимание, что голова её почти совсем отделилась от тела. И до того то висела на полоске плоти, а тут и эта полоска истончилась что ли?

Начал отмывать тело и обратил внимание, что на губке остаётся тянущаяся масса цвета кожи трупа. И чем дальше, тем больше. А потом полоска шеи и вовсе разорвалась, хотя он работал осторожно и еще не успел перевернуть тело. То есть прямо сама. Его это озадачило, но он продолжил работу.

И тут заметил, что вода стекает по-прежнему, хотя он и шланг давно убрал. После, вокруг тела на столе появилось, как бы сказать? Вась, как он нам сказал? Как будто тело стало как тесто и начало растекаться по столу. Как то так, вобщем.

К тому времени, когда мы пришли, на столе находились две кучки мягкой коричневой массы. Ну, где голова была и тело.

Санитар к тому моменту был в обмороке, мы почти. Сделать ничего не смогли. Пытались взять материал, он исчезал на глазах, превращаясь в воду. Вон, иди, смотри в микроскоп, оксид кремния два и дистиллированная вода. Нет ни единой бактерии, что уж совсем странно. Стерильно, апирогенно, нетоксично! Всё, что осталось от старухи.

На одежде, которую этот придурок ухитрился намочить, тоже самое. Пятна крови исчезли. В помывочной воде ни единого эритроцита, обычная грязь, что налипло. Мы всё по сто раз проверили. Так что, хочешь верь, хочешь нет, но трупа тоже нет. – Пётр выдохся, налил новую порцию кофе и влез на подоконник.

– Не, ребят. Вы чё хотите сказать? Я тридцать лет почти отработал, но подобной ереси не слышал.

– Мы тебе всё как есть сказали, а ты думай. Кого ты нам притащил? Секретные материалы,б…! – Подал голос Вася. – Как оформлять будем? Побег трупа с анатомического стола в канализацию?

Данилов вспотел. Одно хорошо, что труп потерял не он. Но с другой стороны, нет тела – нет дела. А кровища в избушке? И дело-то возбуждено. Свидетелей море, кто старуху с отрубленной головой видел. Куда это всё теперь? Как оформлять? Сказочки, типа этой, не прокатят. Сразу попросят на заслуженный отдых, а он дочке квартиру ещё не отделал. И он плюхнулся в кресло.

– Давайте думать, ребята. Где этот ваш студент?

ГЛАВА 8. Что посеешь…

Несмотря на яростные протесты, Таньку повезли обследоваться прямо на следующий день. Бабушка сдалась без боя уже в самом начале. Её оставили сидеть в холле третьего этажа и при перебегании с первого и второго на четвертый и обратно просвящали о результатах.

Домой прибыли к ночи без задних ног. Из всей этой эпопеи девочка сделала вывод, что позволить себе болеть, могут только очень здоровые и богатые люди. Отец денег не считал, и поэтому уложились в один день с вердиктом – здорова. Причину мучительных головных болей не нашли. Хотя её дважды вырвало в туалете больницы.

Отец, получив на руки кучу всяческих анализов и снимков, затолкал их в рюкзак и странно посмотрел на Таньку. Она это заметила, но ничего не сказала. А в бане досыта наревелась и решила больше никому не рассказывать о своих проблемах.

Наутро, захватив побольше еды и даже припрятав несколько косточек из бульона, она пошла в школу. Отец снова стоял на крыльце и смотрел, как она соблюдает уговор – не заходить за калитку соседнего дома. Она и не собиралась.

Собака лежала на том же месте. Танька свернула с тро-

пинки под прямым углом, чтобы лучше её видеть. Пёс поднялся и вышел с крыльца.

Навстречу по нетоптаному снегу, пыхтя и засыпая сапоги, шла та же девчонка. Во рту Колчака сразу появился вкус вчерашнего угощения. Сосисок он до этого не пробовал и они ему не понравились, но пришлось проглотить и их для поддержания сил. Сыр тоже был каким-то непонятным. А вот хлеб – вкуснейшим. Никогда он не ел такого хлеба, но вкус его помнил. Откуда?

Упрямая девочка подобралась к калитке и опять закопалась в своих свёртках. При этом она трещала что-то, ему совсем непонятное, но такое приятное. Очень хотелось подойти и подставить лоб под тёплую ладошку, но он был умной собакой и не сделал этого. Девочка могла неправильно понять и испугаться.

Наконец, она высыпала своё угощение через калитку и отошла. Колчак не стал модничать, медленно подошёл к еде, понюхал, коротко тявкнул и начал есть. Девочка явно обрадовалась, что-то прокричала то ли ему, то ли мужику у ворот большого дома, и вприпрыжку поскакала к оврагу.

Из школы её всё-таки встречали. До моста проводили Наташка с младшей своей сестрой Веркой, а за мостом ждал отец и кто-то ещё. Бабуля и Машка? Папа махал телефонным фонариком, и она совсем не боялась. Но подойдя к мо-

стику, смогла лучше разглядеть другие фигуры. Пока они окончательно не растаяли в воздухе. Это была огромная черная собака и маленькая старушка с уродливым, но совсем не злым лицом.

Папа расспрашивал о школе, о самочувствии, Танька отвечала невпопад.

– Танаис, ты будешь слушать или нет? Я с кем разговариваю? Я вот взял гостинчика для твоего друга, но пока прождал тебя, наверно всё уже остыло.

Отец остановился перед домиком и стал доставать из пакета что-то, завёрнутое в тряпки.

– Смотри, это Машка ему суп сварила, тёплый ещё. Только давай я сам поставлю кастрюлю за калитку, а ты не подходи, хорошо?

– Конечно, пап. Какие вы молодцы! Наташка сказала, что у него хозяина посадили за страшное убийство. Его посадят же. А собаку зовут Колчак, давай его себе возьмём. Он же ни в чём не виноват.

– Какая ты шустрая! Посадить, конечно, посадят. Боюсь надолго. Но это и к лучшему, нам такой сосед не нужен. А, кстати, домик этот тоже наш. Старый, моих деда и бабки. В большом они почти и не жили. Так что всё к лучшему. А с собакой? В принципе, можно и забрать. Если он захочет. Но пока пусть к нам привыкает, кормить будем. Ну, всё, отойди за спину. Видишь, ждёт уже, твой монстр.

Колчак стоял на крыльце и совсем неподобающе своему

брутальному образу вилял хвостом.

– Колчак, иди скорее, поешь, мой маленький…

– Ага, и папкой моим закуси. Подожди пока я закрою.

– Да что ему стоит перепрыгнуть этот забор, если захочет?

А потом они смотрели, как огромный зверь подошёл к кастрюле и начал неторопливо хлебать бульон.

– Ну, вот и хорошо.

Поужинав, Танька засела за уроки. Странно, но ей впервые понравилось учиться. Нет, она не была тупой, скорее ленивой. Как-нибудь поскорей расправиться с домашкой и заняться своими делами. И числилась в середнячках. Хотя имела прекрасную память и пытливый ум. Просто ей было не интересно в школе.

Здесь учили совсем по другому. Несмотря на то, что учителя тоже были разновозрастные, они не преподавали сухо и скучно, как в городе, лишь бы отбыть свои часы. Они преподносили свой предмет так, что казалось, нет ничего важнее именно его. И рассказывали интересно, с разными примерами, так, что всё очень легко запоминалось. Даже чёртовы даты, которые у неё имели свойство и вовсе пролетать мимо ушей.

И здесь Танька получила свою первую честно заслуженную пятёрку. И впервые хлопнулась в обморок на физкультуре.

Открыв глаза, сквозь звенящую зелёную пелену, она увидела несколько склоненных над ней растерянных лиц. Оказывается, её перенесли в кабинет медсестры и угостили нашатырём. Оттого так и жгло в носу.

Потом примчался папа и забрал её домой. А дома срочно был созван совет.

– Значит, ты не врала про голову?

Танька заплакала. Как это унизительно. Они подозревали её в симуляции! Бабушка укоризненно посмотрела на сына и обняла девочку.

– Но, мам, мы сделали все нужные и ненужные, вообще все возможные обследования, и ничего не нашли. Анализы в норме. Там же не дураки сидят. Мы были в лучшем центре…

– Чего они там понимают в твоих центрах. Накупили дипломов и сидят. Врачи-грачи! Ничего, Тань, мы с тобой к Няньке сходим. Вот, прям завтра и пойдём. Да погоди ты, Эдя. Не перебивай. К ней все ходят, кому врачи не помогают.

– Мам, умерла Нянька на днях…

– Чё ты говоришь-то, Эдя? Как это померла? Не могла она помереть.

– Да вот как раз сосед наш, говорят, и убил её. Несколько дней назад.

– Ба, я тоже в школе слышала. А кто эта Нянька была такая?

– Ой, ой, ёй, ёй… Как же это теперь? Как же жить то без Няньки? – На глаза старой женщины навернулись слёзы. – Эдь, может, ошибка какая? Кто ж мог на неё руку поднять-то?

– Говорят лесник. Жил в старом доме нашем. Из пришлых. Сидел вроде бы. А, так, с виду порядочный был. И Нянька, будто ему самому жизнь спасла. Теперь вот Тана горит желанием прихватизировать его собакина.

– Да…. Дела творятся…

– Ба, ну, кто такая эта Нянька?

– Ладно, пойдёмте обедать. И потом ты полежишь, поспишь. А я тебе расскажу вместо сказки. В школу завтра не пущ-щу! Эдмунд, а ты позвони Насте, пусть она узнает там, может девочку в Москву куда свозить.

А потом, Танаис, затаив дыхание, слушала сбивчивый бабушкин рассказ, который сводился к следующему: Кто такая была Старая Нянька, точно никто не знал. Слухов, как водится, вокруг неё ходило много.

Появилась она в избе старой сумасшедшей отшельницы, которая сколько все помнили так и жила на болотах. Отшельницу звали Айога, и она тоже являлась местной достопримечательностью.

В своё время она слыла первой красавицей в поселке, впоследствии переименованном в Молодёжный. Да, пожалуй, и не только в посёлке. Все, кто из посторонних хоть

раз увидев девушку, признавались, что более совершенной красоты не встречали никогда.

Айога об этом прекрасно знала и умела использовать. Отбоя от женихов не было, подарков дарили ей горы, надеясь заполучить в жёны. Только ей всё казалось, что даже самые красивые, сильные, храбрые и богатые парни недостойны её руки.

И однажды с охоты мужчины принесли истощенного и раненого человека. Он был так непохож на местных. Высокий, с глазами цвета весеннего неба, с волосами, будто сотканными из серебристого утреннего тумана и чистой белой кожей, он стал для девушки наваждением.

Долго выхаживали его в посёлке, и всё это время Айога находилась рядом, помогала залечивать раны, кормила, поила и надеялась, что незнакомец, как любой мужчина, будет сражён её прелестью.

Но, шло время, а незнакомец, который представился по пришествии в сознание Михаилом, никак не выделял девушку среди других. Более того, когда преодолев гордость, она сама пришла к нему – получила очень вежливую отповедь. И признание, что у него есть любимая жена и больше никто не нужен.

Наступала зима, уйти из посёлка было всё сложнее. На сотни километров вокруг тайга. Айога рассчитывала, что время работает на неё, но ничего не менялось.

Тогда она опоила мужчину кукушкиной травой и провела

с ним ночь. Наутро Михаил очнулся и пришел в ужас. В то время законы были другие, почти первобытные, и ему ничего не оставалось, как взять Айогу в жёны.

Своего она добилась. Любимый мужчина был рядом, вот только без помощи травы к ней не прикасался. Айога поняла, что он лишь ждёт весны, а потом уйдёт к жене. Она заставила его перебраться на болота и жить вдали от остальных, надеясь, что он побоится уйти через топь.

Михаил построил на островке маленький домик и не покинул Айогу. Его не испугала бы топь, просто он был очень порядочным человеком. Так прошло несколько лет. Изредка они приходили в посёлок за покупками, и люди диву давались, как изменилась первая красавица.

Она словно ссохлась, согнулась, почернела и выглядела втрое старше, чем была. Её бывшие подруги повыходили замуж, нарожали детей, расцвели и чувствовали себя очень счастливыми. Айога это видела и несказанно злилась.

Сейчас она поняла, что совершила страшную ошибку, но было поздно что-то менять. Любви от мужа она так никогда и не увидела. Детей не заимела. У Кукушкиной травы имелся эффект побочный. Михаил совсем превратился в старика и вскоре тихо угас.

А Айога настолько возненавидела людей, что так и осталась на болотах навсегда. Бывшие земляки её тоже не жаловали, но, по доброте душевной, подкармливали, одежонку кое-какую давали.

Дожила она так до глубокой старости. А потом, расставляя силки на птицу, нашла в тайге крошечного ребёночка. Принесла к себе и вырастила сиротку.

Дитёнок чуднЫм был. Уродец прямо, и почти не говорил. Айогу звал Старая Нянька, видать с её же слов. Потом Айога умерла, а уродка в той избе и осталась.

Людей не пугалась, но и не стремилась к общению. Гостинцы принимала будто так и надо. А потом случай один произошёл.

Поселковые бабы за клюквой пошли почти к её избе, на дальние топи. Да одна зажадничала, потянулась за большой ягодой да в трясину и угодила. А уж заосенело совсем, после хороших морозов за клюквой-то ходят. Вот её хоть и вытащили, но пока до избы донесли, та уж совсем и охладела. Оставили её у уродки, чтоб родню потом за ней послать.

А когда родня со слезами за телом явилась, то глядь, а баба-то как ни в чём ни бывало по хозяйству у ней хлопочет. Потом ещё мужика подрал кабан, сильно. Так она его в два счёта на ноги поставила. Ну, а потом к ней уж пошли-поехали. Всех лечила, никому не отказывала. И меня к ней водили, и папку твоего и Машу.

Что самое странное, никогда ни о чём не спросит. Что там болит у тебя, где? Сидит всё время, как йоги ноги сложит, и сидит. Перед огнём всегда. Трубку курит, воню-ю-чую. Сама страшна, как смертный грех. И всю жизнь в одном виде. Что молодая была что старая, вовсе не менялась.

Помню, молока ей приносила. Нальешь в блюдце, она как котёнок, в грабки свои возьмёт и нюхает сначала, нюхает. Наслаждается. Молоко любила очень она. Потом как барыня чай пьёт прям, да как зыркнет на тебя. Хоть и знаем, что худого никогда не сделает, а всё равно жуть берёт.

Потом руки тянет свои, а они у неё худющие, черные, страшные и ледяные всегда. Так вот она этими грабками прям туда, где болячка у тебя, тянется, и возится там. А ты в это время аж пошевельнуться не можешь, закричать не можешь, хоть иной раз так больно бывает, страх как.

Ну, и всё. Болячка у кого как. У кого сразу проходит, у кого несколько дней болит потом. Но всем помогала. Пьяных только не брала почему-то. У нас тут, окрест, сроду никто к врачам не ходил. В амбулатории врачи от безделья маялись. Вот и тебя бы к ней сводить. Да, видишь вот как?

– Ба, а почему вы тогда Машу к ней не возили? Она б её вмиг вылечила.

– Тут, Тан, не всё так просто. Верить надобно. Мы хотели с дедом сразу же, как случилось с ней это. Только она говорила, что не верит во всякие глупости. Значит, ничем бы Нянька не помогла.

– Ты же говорила, что водили к ней её.

– Ну, да. Маленькую. Мама моя обожгла её сильно очень. Нечаянно. Так Нянька, прям на глазах всё сняла, за три дня

зажило и следа не осталось. И папу твоего возили, когда он на мотоцикле расшибся весь. Ходить не будет, думали. Ноги в крошево переломал. Так он сам кричал, к Няньке, к Няньке. Так-то вот. Верить надо. За что было её убивать, ума не приложу?

Глава 9. Не верь глазам своим

Как ошпаренный парень нёсся на снегоходе по своей же утренней колее. Свежий снег нестерпимо искрил на солнце, слепя глаза. Подал чуть в сторону и остановился. Стащил с рук меховые краги и зачерпнул горсть ледяных алмазов с нависшей над головой пышной еловой ветки.

Каким же он был вкусным, этот снег. В следующей пригоршне оказалась пара хвоинок, их он покатал по зубам, наслаждаясь волшебным вкусом зимнего леса. Через пару километров будет поворот на трассу, и спокойно обдумать ситуацию уже не получится. А подумать было о чём.

В голове крутилась только одно – не верь глазам своим. Он им и не поверил. Ни тогда, когда труп старухи буквально растаял под его руками. Ни сейчас.

Открыл фотки на телефоне, да, вот оно, доказательство. Бесстрастная камера врать не может. Хоть и немного сбоку, но всё же видно сидящую перед огнём старуху с трубкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.